

Нина Карецкая перебирает фотографии и по каждой безошибочно определяет исполняемую песню.

— Это — «Мелодия», здесь — «Цыганка Мариула», вот — «Мария».

И вдруг спрашивает:

— А что на этой фотографии?

— Не знаю, — честно отвечаю я, — что-то озорное?

— «Вологодские страдания»...

Это несколько похоже на игру, но суть ее не в том, чтобы угадать изображенное. За статичным фотокадром распознается только ей видимая живая душа песни. Запечатленная в неповторимости мимики, жеста. А в том, что песня имеет свою душу, свой особый характер: иногда покладистый, чаще — строптивый, — в этом Нина не сомневается. Здесь, конечно, нет открытия. Нет, но...

Скажите, положи руку на сердце, отчего мы нечасто говорим об исполнителе — поет с душой? Может, оттого, что в душе певца не всегда отзывается душа песни. И тогда пение — исполнение просто последовательности звуков, объединенных ритмом.

Песню «Цыганка Мариула» Нина Карецкая учила почти год. Пела, выступала даже с ней, откладывала, снова занималась, снова откладывала. Песня казалась неподатливой, в пору было отказаться от ее исполнения. Но однажды она зазвучала так, как хотелось. Невидимая глазу черновая работа завершилась. Теперь ее можно было не просто исполнять — петь. И в мелодических ходах, звуковысотных соотношениях, в литературном тексте обнаружилось так много подсказок певице. Много для того, кто готов был их услышать. С этой песней Н. Карецкая впервые предстала перед калининскими слушателями на фестивале «Заволжье-71». Ее пение захватывало, трогало. Но и настораживало. Та степень самораскрытия, которая присуща ей на эстраде, полная искренность, эмоциональность, освобожденная от оглядок на «можно» и «нельзя», — все это казалось приемом. Прием опытного профессионала. Потому что трудно, боязно даже поверить, что можно до такой степени органично входить в мир исполняемой песни. На профессиональной и самодеятельной эстраде, к сожалению, часто встречается имитация чувств, заменяющая их подлинность, так что ошибка вполне естественна, особенно при первой встрече.

На протяжении трех лет Нина Карецкая с неизменным успехом выступала на фестивалях «Заволжье». Она стала лауреатом межобластного фестиваля «Радуга» в Смоленске. В жюри, составленном из представителей обла-

стей — участников фестиваля, не было споров. Все единодушно выставили ей единственной высший балл.

Можно назвать и другие музыкальные состязания, из которых она не выходила без наград. Например, телевизионный конкурс «Молодые голоса». Но это скорее для информации. Сама Н. Карецкая к своим успехам относится весьма

МЕЛОДИЯ

сдержанно. То, что со стороны может показаться счастливым везением, для нее — закономерность. Закономерный итог работы, когда исподволь вживаешься в песню, а песню вживаешь в себя. И то, что чужую мелодию, чужие слова делаешь своими, собственными, в этом — радость. В этом, а не в том, чтобы долгие звучали аплодисменты, чтобы понравиться слушателю. Нужно идти на известное самоотречение, чтобы желать успеха не себе — песне. Оттого и на сцену она выходит не с уверенностью, а с робостью. Повторить песню — акт ремесленнический, воссоздать — творческий. А заниматься творчеством публично, перед сотнями людей — нелегко.

Но, отдавая себя полностью во власть музыки, она требует такой же отдачи и от слушателя. И в этом — главное ее достоинство как певицы.

Сколько раз ни слушаешь ее исполнение «Мелодия» Пахмутовой — Добронра-

вова, воспринимаешь его всегда как первое. И единственное. И то, что знаешь песню, как говорится, от ноты до ноты, и то, что слышишь ее в исполнении других певцов, — все это отходит на второй план. Больше того, я знаю многих людей (я сам принадлежу к их числу), кто отдает ее исполнению этой песни предпочтение перед всеми иными. Если говорить о ее желании петь хорошо и для хорошего слушателя, о строгой требовательности к содержанию, разнохарактерности репертуара, то это требование профессионала. Профессионализм ее и в другом: не в выученности, опыте, а в изначальной предрасположенности к искусству выражать себя через музыку, мелодию. А может, это талант?

Она рассказывает (по воспоминаниям матери), как еще маленьким ребенком смотрела «Веселых ребят». Не смотрела, конечно, а просто присутствовала в зале. Плакала, капризничала, но как только начинала звучать музыка, замолкала. И позже, в детском саду развлекала воспитателей тем, что постоянно пела. Даже во время перерыва, положенного на сон.

Так и случилось, что по окончании

«ПЕСНЮ «ЦЫГАНКА МАРИУЛА» НИНА
КАРЕЦКАЯ УЧИЛА ПОЧТИ ГОД...»

пединститута, получив специальность, поработав даже, она все-таки стала певицей. Работа на профессиональной эстраде памятна ей и хорошим, и дурным.

Эстрада дисциплинирует певца, приучает слушать зал, быть чутким на его реакцию. Эстрадные гастроли помогают увидеть новые города, узнать страну, познакомиться с хорошими музыкантами, обрести друзей. Но эстрадное исполнительство, если к нему относиться всерьез, — мучительный, изнуряющий труд. Ежедневно, ежевечерне завоевывать слушателя, подчинять его своей воле. Утверждать свое понимание красоты и бороться за то, чтобы быть понятым. Все это — эстрада. Эстрада способна вознести человека на волне успеха, но часто требует взамен отречения от благоволения отношения к искусству, формирует, порой тип угодливого исполнителя-дельца. Нелегко вынести испытание эстрадой.

Вот уже несколько лет Нина Карец-

кая живет в Конакове. Небольшой клуб «Энергетик», где она работает руководителем вокального коллектива, а ее муж — Альфред Очеретнер — художественным руководителем, стал подлинным музыкальным центром района. Мною уже приходилось рассказывать на страницах «Смены» о музыкальном фестивале «Волжские напевы», который проводил клуб в феврале нынешнего года. В фестивале участвовали музыканты Москвы, Клина, Дубны, Калининна. Но, по общему мнению гостей, вокалисты клуба — организатора фестиваля продемонстрировали самую высокую певческую культуру. Стоит вспомнить солистку Л. Моисееву, кстати, лауреата фестиваля «Заволжье-74», в котором Нина Карецкая принимала участие как член жюри. А еще вокальный дуэт — Л. Моисееву и М. Молунову, ансамбль «Радуга»... Самое дорогое, что молодым исполнителям передается то трепетное отношение к слову, мелодии, которое отличает их руководителей.

Нина Карецкая поет мало, редко. На оттого, что бережет, щадит себя. Она все делает увлеченно, а ее увлечение ныне — педагогическая работа. Жалко, что приходится редко ее слышать. В октябре 1974 года она выступила в помещении Калининского госцирка в программе концертов вокально-инструментальной музыки. И переполненный зал отзывался на каждую исполненную песню благодарными и долгими аплодисментами. Нина Карецкая поет мало, редко? Но она и дома напевает постоянно. За работой, между делом. А из кармашка платья выглядывает листок с текстом новой песни. Нет, это не показатель жеста. Я так и не узнал: что это за песня. Она пока поется для себя. Песня и певица словно друг к другу притрагиваются. Посторонний человек здесь лишний. Еще не пришло время слушателя. Но оно придет. И вновь зазвучит, пробуждая волну невысказанных чувств, страстный и нежный голос мелодии...

Я прочел написанное и представил себе недоумение иного читателя. О некоторых эстрадных знаменитостях пишу с большей долей критичности. Все так. Но я и не собирался сочинять критический портрет с тщательно выверенными дозами достоинств и недостатков.

Просто мне хотелось вспомнить и поделиться с читателем тем ощущением радости, которое дарит нам, слушателям, чистое и искреннее искусство Нины Карецкой.

Г. СЛОБОДКИН,
музыкальный обозреватель
«Смены».